

Величайший художник-революционер

СОРОК ЛЕТ НАЗАД...

...О Горьком, о личных встречах с ним могли бы рассказать тысячи людей. Трудно даже представить себе, какой огромный и разнообразнейший мир человека охватил он — жил с ним, работал, дружил, боролся, враждовал, дрался...

Да, дрался. Один из ранних друзей Горького, недавно умерший, вспоминал после его смерти:

— Биография Горького была написана на его теле. Нужно было побывать с ним в бане, чтобы воочию убедиться, какой страшный путь своих «университетов» прошел он: весь он был битый, ломанный, весь, как в заплатках, в шрамах — этих почетных следах непокорств своей бродяжьей юности...

художники, люди крупного общественного и творческого действия.

Самой большой радостью было для Горького, когда он набредал на яркую одаренность в человеке из рабочей среды, из низов, из самоучек. Здесь он точно заново переживал свою собственную писательскую судьбу.

Мне неоднократно приходилось наблюдать, как, перелистывая страницы какой-нибудь тетрадки, Алексей Максимович поглядывал своими голубыми глазами, пошмыгивая, произносил ту или иную прочитанную фразу, стих — и удовлетворенно пошмыгивал носом. Ясно: это какое-нибудь творение ивановского ткача или сормовского слесаря, рассказ сельского учителя из какого-нибудь медвежьего угла — несмелые, но свежие творческие голоса нового человека эпохи.

зрительное вглядывание в личность Горького, этого «нового властителя дум», чувства, которые вскоре перешли в скрытое, а затем и совершенно открытое враждование с ним довольно обширного писательского круга.

Горький был так необычен, его писательская «карьеря» получила такой фантастический взлет, что это не могло не запутать привычных ориентировок присяжной литературной среды. Твердый и уверенный голос Горького, его огромная популярность, даже его внешность — стали казаться чем-то нарочным, искусственным, чрезмерным и недолговечным. «Горький скоро кончится», «Горький уже кончается»... — эти злобные шпотоки бежали по всем ярусам русского мещанства.

ГОРЬКИЙ И МАЛЫЙ ТЕАТР

Эта тема — ровесница Октября. До Великой Октябрьской социалистической революции имя Горького не могло появиться на афише казенного театра: писатель-революционер, неоднократно арестовывавшийся полицией, не раз побывавший в тюрьмах и ссылке, не миновавший каземата Петропавловской крепости, обвинявшийся в бунте против верховной власти, крепко связанный «себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира» был одной фигурой в глазах правящих кругов.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция открыла творчеству Горького двери бывших императорских театров.

Приступая к работе над пьесой, режиссер спектакля К. П. Хохлов писал: «Нашей первой задачей в работе над этой пьесой является самое тщательное и глубокое изучение материала, который дан нам автором. Правильно понять и передать все мотивы, руководящие действия Горьковских персонажей, полно и разносторонне вскрыть каждый образ во всей целостности его самых противоречивых явлений, не допуская никаких шаблонных определений, осветить образ мыслей каждого и утвердить — сочувственно или осуждая — истинность его страстей и правдоподобие чувствований; привести все в живое и естественное столкновение, словом, изобразить подлинно живых людей, живущих и действовавших в конкретной исторической обстановке»



Горький радостно и уверенно подхватывал и сколачивал эти голоса в крепкий хор первых отрядов пролетарской музыки.

Он не смущался тем, что порой голос у музы срывался и давал петуха, — это, мол, пройдет, изживется, — важна здоровая социальная сердцевина художника, важен смелый и требовательно творческий дух его!..

И Алексей Максимович, потрясая огромным указательным пальцем, цитировал:

«...Расступись, знать именитая — В парике гербов изношенном...»
 — Коряво? Ничего — отшлифуется...
 «...Пред прищипцем, что непрощенным
 Без доклада в жизнь идет —
 Дай дорогу — ОН идет!..»
 — А? Каково!..

Известная «академическая история» с Горьким была в этом смысле весьма показательна. Избрание Горького в почетные академики, а затем отмена этого избрания по повелению царя произвели великое смущение в умах. С одной стороны — вмешательство свыше было политически оскорбительным фактом для передовых элементов общества, с другой — и самое избрание Горького в академики казалось явным пересолом, ненужным излишеством.

В какой-то мере не были свободны от этих ощущений и такие независимые умы как Толстой и Чехов.

Чехов и Короленко, как известно, в виде протеста против отмены избрания Горького, вышли из Академии. Но когда Чехов предложил Л. Н. Толстому сделать то же самое, тот кратко ответил: «Я не считаю себя академиком» — и уткнулся в книгу.

Разобинение творчества старейшего русского театра и крупнейшего писателя XX века было по самому существу своему насильственным. Реализм Горького и реализм Малого театра — это две струи одного мощного потока — русского реалистического искусства. И как только искусственно устроенные преграды для сотворчества писателя и театра отпали, так театр тотчас же обратился к драматургии Горького.

19 18
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
Московский Малый театр.
ВНЪ АБОНЕМЕНТА.
 артистки ГОСУДАРСТВЕННЫХ театров
 сь участием Заслуженной артистки
О. О. Садовской,
 Представлено будет в 1-й раз
„СТАРИКЪ.“
 Пьеса в 3-х действиях, соч. М. Горького
 Иллюстрация художника И. Ю. Юнга
 ДЕЙСТВУЮЩИЕ:
 О. О. Садовская, Е. Н. Гоголева, А. А. Левашина, Е. Н. Найденко, В. Н. Пашенная, В. Н. Рыжова, С. А. Геловиц, Д. Ф. Гуцуров, А. И. Истомина, Н. Ф. Костромская, В. В. Кумельский, В. И. Овсянников, И. А. Рыжов, И. М. Садовский, Н. К. Яковлев.
 Постановка режиссера И. С. Платона.
 Начал в 7 ч., окончание около 10 ч.
 Билеты можно покупать по 10-ти коп. утра за билет Малого театра.
Цены вставь повышены.

Нужно сказать, что в это же время, в первые годы своего писательства, он весьма туго сходился с представителями профессиональной писательской среды. Он чувствовал недоверие к себе и отвечал сугубым недоверием.

В числе немногих исключений был Чехов, которого Горький любил и ценил чрезвычайно высоко. Чехов также чувствовал в Горьком очень крупного писателя (это будет «большущий писатель», говорил он), но видел в нем много лишнего, чрезмерного, называл это «провинциализмом» и настойчиво советовал Горькому пожить в Петербурге, «потеряться» среди писательской братии.

В записках А. Б. Гольденвейзера находим такое высказывание Толстого: «Горький мне очень приятен, как человек, но я не могу к нему вполне искренно относиться. Мне его слава мешает. Он как-будто не на своем месте...»

В письме к О. Л. Книппер-Чеховой, вскоре после избрания Горького, А. П. Чехов пишет: «Ты полагаешь, что Горький откажется от почетного академика? Откуда ты это взяла? Напротив, повидимому, он был рад».

И здесь, как и в приведенных словах Толстого, ясно ощущается струя осуждения горьковской «нескромности». Со всей уже открытостью тогда звучало оно в самых широких литературных кругах, и в среде так называемой либеральной общественности.

В 1918 году в Малом театре стало известно, что приехавший в СССР Горький привез с собою новую пьесу. Пьеса эта была — «Старик». Руководство театра предприняло энергичные шаги к ознакомлению с пьесой и по прочтении решило немедленно начать над ней работу.

С новым своим произведением коллектив театра ознакомил сам автор: перед переполненным зрительным залом Горький читал свою пьесу. Читал неторопко, слабым глуховатым баском, не прибегая к попытке внешней индивидуализации своих героев, и тем не менее живыми вставали они со страниц рукописи перед будущими исполнителями, со всем разнообразием характерных черт, присущих каждому из них.

конца прошлого и начала двадцатого века».

За этим праздничным днем наступил будни упорной творческой работы. Ставил пьесу Горького И. С. Платон, оформлял спектакль художник К. Ф. Юон.

Перед театром стояла еще одна задача — трудная, но интересная и крайне необходимая — восстановить, подлинного Горького, снять с него ту завуалированность, которой старались «смягчить» его революционность старый театр, «ярко и живо передать напряженнейшее обострение классовой борьбы в эпоху революции 1905 года и убедительно показать в исторической перспективе правильность того пути, которым пролетариат пришел к окончательной победе».

Горький столь же настойчиво отказывался. Он пишет Чехову: «...В Питер ехать не хочется... лебо там страдая война, люди — самогением, а литераторы и тем и другим вместе... «И в другой раз: «...Петербург — противный город. В нем, по-моему, ужасно легко сделаться мизантропом... Публики видел и несчетное количество. И все знаменитой. Вследствие этого стало мне ужасно тошно, и я очень каяюсь, что приехал сюда...»

В этом осуждении сказались недостаточное понимание социальной природы того явления, которое представлял собой для того времени Горький. Его здоровью и законную классовую гордость собой, как представителем и организатором нового слова эпохи, как организатором нового писательского поколения — приняли за дешевую тщеславия, за «самообольщение и слабость к лаврам».

Премьера «Старика», состоявшаяся 1 января 1919 года прошла со следующим составом исполнителей: П. А. Рыжов (Мастаков), Освеимский (Павел), Е. П. Гоголева (Татьяна), О. О. Садовская (Захаровна), Н. Ф. Костромской (Степаныч), Е. Н. Найденко (Софья Марковна), Н. К. Яковлев (Харитонов), А. П. Истомина (Яков), Гуцуров (каменщик), С. А. Геловиц (старик), В. Н. Пашенная (девочка).

Эти задачи театр в основном решил, и решил правильно.

Позднее в спектакль были введены новые исполнители: П. М. Садовский (Мастаков), В. Н. Рыжова (Захаровна), А. А. Левашина (Софья Марковна), В. В. Кумельский (Яков), И. Д. Лавин (каменщик).

Горьковская пьеса в исполнении артистов Малого театра имела большой успех не только на основной сцене, но и на многочисленных выездных спектаклях на заводах, фабриках и красноармейских частях.

Театр сумел с глубокой, жизненной убедительностью показать и внутренние противоречия класса эксплуататоров и коллективную и героическую солидарность рабочих. Театр донес до зрителя идею пьесы — идею классовой борьбы, правды и силы пролетариата.

В Москве он чувствовал себя лучше, теплее. Мне посчастливилось быть здесь на одном из первых чтений пьесы «На дне» — для московских писателей. Это было в Грузинах, в квартире Леонида Андреева. Народу набралось чрезвычайно много. Горький читал без эффектов, просто, но удивительно доходчиво. Помню гуд восхищений, смех, потом — горячие поздравления, взволнованность — самую искреннюю и весьма высокого гласа. Другого настроения, казалось, и быть не могло.

Да, он не отказался от звания почетного академика и принимал его с тем же моральным правом, с каким, по словам Бернарда Шоу, знаменитый трагик Ирвинг требовал от английского короля для себя звания «сэра» — не только во имя собственных заслуг, но и во имя признания за актером полных прав гражданства.

Но Горький с чувством еще большего удовлетворения принял и свое академическое отвержение, ибо видел в этом крупный революционно-политический акцент для своего времени.

На одном из спектаклей «Старика» в Малом театре присутствовал Владимир Ильич Ленин.

Вторично к драматургии Горького Малый театр обращается в 1933 году. На этот раз театр останавливает свое внимание на «Врагах».

Декоративная установка на враждующем круге, принадлежавшая художнику М. Э. Левину, была очень лаконична, но предельно выразительна.

И тем не менее, вспоминая картину этого вечера, вспоминаю весь процесс уже определившегося тогда расслоения общественной мысли и литературных течений предреволюционных лет, я вижу ясно, что и на этом вечере в какой-то части присутствующих, части, так сказать, наиболее «благовоспитанной», ощущался уже тот «шок» и под-

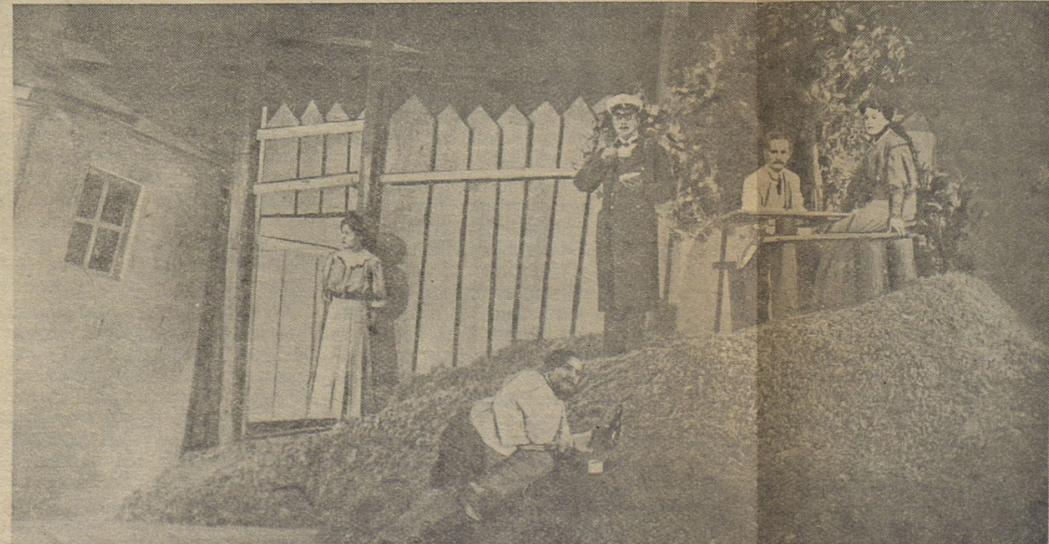
Свободный от парадоксических пред- рассуждений, «хвалу и клевету приемля равнодушно», со всей мощью своего творческого слова, рассекая две эпохи, в жизнь входил писатель пролетариата, входил с песней о «Буревестнике», с песней о гордом «Соколе».

Мих. НАРОКОВ.

Написанная под живым впечатлением первой русской революции, пьеса была тогда же (в 1906 году) запрещена для сцены.

Впервые огни рампы «Враги» увидели заграничей в Берлине в сезон 1906—1907 года.

В спектаклях «Врагов», премьера которых состоялась 30 октября 1933 года, участвовали: Н. М. Радин, В. А. Владиславский, Н. Ф. Костромской (Захар Бардин); К. И. Алексеева, М. С. Львова (Полина); М. С. Нароков, В. Э. Мейер (Яков Бардин); Н. А. Беленцева, В. А. Обухова (Татьяна); П. З. Богатыренко, И. В. Полонская (Надя); М. М. Климов, А. П. Зражевский (Печенегов); В. Р. Ольховский, Н. П. Рыжов, И. Г. Лештейн (Михаил Скроботов); О. Н. Полякова, С. Н. Фадеева (Клеопатра); Н. Н. Рыбников, Е. П. Велихов (Николай Скроботов); Н. А. Анненков, Б. П. Бриллиантов (Синцов); В. В. Крашавин, С. Б. Мезинский (Пологин); А. П. Грузинский, В. Ф. Лебедев (Коль); Н. В. Бударин, Н. А. Сивов (Греков); Н. Ф. Костромской, С. М. Чернышев, Н. Н. Шагин (Левшин); В. Н. Рыжова, В. А. Баранова (Аграфена); Н. Н. Горич, В. И. Грызунов (Бобоедов); А. П. Истомина, И. Ф. Скуратов (Квач).



Сцена из «Врагов», 1933 год.

Крепкой и умелой руке Горького приходилось проделывать и более сложные операции: стоит припомнить трогательный случай «рождения человека», когда молодой долговязый парень, «Максимыч» из рабочей артели, прокладывая Сухумское шоссе, оказался неожиданно в роли повивальной бабки.

Вот он, — как живого видишь этого «Максимыча», с развевающимися патлами русских волос, у пенных морских волн, с только что рожденным человеком на руках.

«...Этот красный человечик совсем не требует осторожности: он сжал кулак и орет, орет, словно вызывая на драку с ним».

— Я-а... Я-а...
 — Ты, ты! Утверждайся, брат, крепче, а то ближние немедленно голову оторвут... Шуми, орловский! Кричи во весь дух...».

Мы лишены возможности проследить судьбу горьковского восприимчива, шагнувшего когда-то из его легких рук прямо в жизнь. Но мы можем развернуть обширнейший список самых разнообразных случаев вмешательства Горьковской руки в судьбу человека, когда в результате такого вмешательства рождались новые талантливые писатели,